

Кузьмина Ольга Александровна

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ГОСУДАРСТВА АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

В статье проведен анализ мер социальной поддержки государства автохтонного населения Дальнего Востока России во второй половине XIX - начале XX в. Выявлены основные направления деятельности российских властей в области учета и контроля аборигенов, дана характеристика врачебной помощи данной категории лиц, представлены главные причины слабой организации этого процесса. Особое внимание в статье уделено мероприятиям, направленным на решение проблемы алкоголизации коренных жителей Дальнего Востока.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 132-135. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. **Логиновский К. Д.** О быте казаков Восточного Забайкалья // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 2. С. 182-200.
10. **Логиновский К. Д.** Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 1-94.
11. **Мир звучащий и мир молчаливый. Семiotика звука и речи в традиционной культуре славян** / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. 336 с.
12. **Толстая С. М.** Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
13. **Хохлачёва М. В.** Музыкальный код саратовского свадебного обряда (на примере песен северной зоны Приволжской возвышенности) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. 3. С. 197-200.
14. **Шарапова О. А.** Поэтика песен оренбургского казачества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. 1. С. 209-212.
15. **Leeze-Hurtwich W.** Semiotics and Communication: Signs, Codes, Cultures. Indiana, 1993. 256 p.

**SONG-LIKE SOUND CODE AS KIND OF CONCEPTUAL CODE
(BY THE MATERIAL OF TRANSBAIKAL COSSACK WEDDING)**

Krechetova Ol'ga Viktorovna, Ph. D. in Philosophy
Transbaikal State University
krechetova75@gmail.com

In the article the attempt to define the notion “conceptual code” is made and some peculiarities of song sound code in Transbaikal Cossack wedding are considered. Main attention is paid to the semiotic filling of song sound code, its connection with action code, which provides a variety of the genres of the musical compositions of different wedding rites. It is ascertained that song code has gender and age-related peculiarities and consists of two choruses: girlish – from the bride’s side and woman’s – from the bridegroom’s side.

Key words and phrases: Transbaikal wedding rite; Transbaikal Cossack wedding; traditions and rites of Transbaikal region; transitional rites of the Russians of Transbaikal region; conceptual code; sound code; Transbaikal Russian folk song.

УДК 94(571.6)(512.2)

Исторические науки и археология

В статье проведен анализ мер социальной поддержки государства автохтонного населения Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. Выявлены основные направления деятельности российских властей в области учета и контроля аборигенов, дана характеристика врачебной помощи данной категории лиц, представлены главные причины слабой организации этого процесса. Особое внимание в статье уделено мероприятиям, направленным на решение проблемы алкоголизации коренных жителей Дальнего Востока.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток; автохтонное население; социальная поддержка; материальная помощь; алкоголизация инородцев.

Кузьмина Ольга Александровна, к.и.н.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
petrova@mail.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ГОСУДАРСТВА АВТОХТОННОГО
НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ[©]**

Вторая половина XIX – начало XX в. стали для Российской империи периодом глобальных переселений. В результате проводимой переселенческой политики удалось сформировать образ регионального социума восточной окраины, который был представлен восточнославянскими и коренными народами, а также иммигрантами из Кореи, Китая и Японии.

Характеризуя меры социальной поддержки вышеуказанных групп населения, следует отметить, что их объем был неодинаков и зависел от позиции властей к участникам процесса заселения и освоения региона. Особое внимание уделялось русскоязычному населению. Данное обстоятельство объяснялось тем, что русская миграция являлась массовой, проходила при участии и поддержке центральных органов власти, рассматривалась как мера защиты восточной окраины от азиатских государств.

Азиатская иммиграция в большей мере носила эпизодический характер, позиционировалась как источник дополнительных трудовых ресурсов для освоения Дальнего Востока – исключение составили переселения

из Кореи. В этой связи вопросы социальной поддержки иммигрантов не вошли в круг приоритетов российских властей, были отданы на откуп национальных благотворительных обществ.

Совершенно иначе обстояло дело с социальной поддержкой автохтонного населения Дальнего Востока. Как исконные хозяева территории аборигены имели право на социальную помощь в результате изменившихся под влиянием русского населения условий традиционного хозяйствования.

На рубеже XIX-XX вв. на территории Дальнего Востока проживали племена гольдов, орочей, дауров, эскимосов, алеутов, дючеров, чукчей, гиляков, нанайцев. Основными видами деятельности коренных народов являлись оленеводство, рыбный промысел, охота на пушного и морского зверя. Родом занятий отдельных племен стали скотоводство и земледелие.

Формой социальной организации аборигенов была родовая община. Как правило, род состоял из 5-7 крупных семей, в чей состав входили несколько брачных пар, и 10 малых семей, состоявших из одной брачной пары. Несколько родовых общин, между которыми осуществлялось постоянное взаимодействие, образовывали территориальную общину.

Общение между родами основывалось на обычаях дружбы. Данный обычай предусматривал взаимопомощь членов общины. Это могли быть продуктообмен, обмен рыболовными и охотничьими снастями, общинная собственность на промысловые угодья. Считалось нормой обратиться за помощью к соплеменнику, вернувшемуся с удачной охоты. Для престарелых и неспособных к труду членов рода существовала такая мера взаимопомощи, как поочередное кормление у соплеменников.

Таким образом, община обеспечивала каждому ее члену реализацию витальных потребностей в рамках общежития посредством механизмов коллективного взаимодействия, а взаимоподдержка выступала в качестве фактора группового самосохранения.

К моменту начала активной колонизационной политики на юге Дальнего Востока России проживало около 9 000 аборигенов (1862 г.). В 1869 году – 10 300, в 1897 году – 17 900 коренных жителей [1, с. 13; 4, с. 55]. В целом же в 1897 году по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи в регионе было зарегистрировано 54 466 аборигенов.

При этом представленные статистические данные весьма условны, что объясняется отсутствием возможности на тот момент времени производить учет коренных жителей ввиду слабого нормативно-правового обеспечения этого процесса, а также бродячего образа жизни некоторых народностей.

Упорядочить учет автохтонного населения позволило принятие закона о проведении переписи среди бродячего инородческого населения Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств (1896 г.) и Временного положения о крестьянских начальниках в губерниях (1898 г.) [5; 6].

Закон 1898 года предписывал инородцев, оставивших кочевой образ жизни, приравнивать к крестьянам, а родовое управление заменить на сельское. Территориальные общины заменялись сельскими обществами, объединенными в волости. Руководство в национальных волостях вверялось старшинам. Последние, в свою очередь, утверждались в должности военным губернатором края.

Принятие указанных нормативно-правовых актов позволило не только взять под контроль коренных жителей, определить их численный состав в регионе, но и выявить места расселения инородцев, оказывать ссудную помощь в случае наводнений и голода в результате неудачного охотничьего сезона.

Первым законодательным актом, призванным урегулировать процесс оказания материальной помощи автохтонным жителям востока страны, стали особые правила о продаже и выдаче в ссуду припасов казенного заготовления инородческому населению (1890) [7, с. 16].

На основании этого документа коренным жителям Охотского, Анадырского, Петропавловского, Гижигинского, Удского уездов, а также Камчатской и Сахалинской областей в случаях голода и падежа оленей гарантировалось предоставление натуральной помощи мукой, солью, крупой, порохом в размере годовой нормы. Данное право распространялось лишь на целые инородческие общества. Индивидуальное получение товаров в ссуду не допускалось.

В периоды масштабного голода местными властями закупались рыболовные и охотничьи снасти, которые в дальнейшем распределялись между национальными общинами, организовывались пункты раздачи продовольствия, горячей пищи, зимней одежды, учреждались рыбацкие артели. Указанные нормы позволяли сохранить численный состав коренного населения края.

Единственным минусом ссудной помощи состоял в том, что воспользоваться ей могли лишь аборигены, проживающие вблизи административных центров. Так, например, население Чукотского уезда – наиболее удаленного уголка региона – такой помощи не получало и во время голода могло рассчитывать лишь на собственные силы.

Определенные недоработки наблюдались и в организации медицинской помощи коренным жителям. Наиболее распространенными заболеваниями среди них были цинга, чахотка, оспа, туберкулез, корь, проказа. Следует отметить, что некоторые из указанных болезней появились под влиянием контактов с русским населением.

О слабой организации врачебной помощи аборигенам свидетельствуют следующие статистические данные: в 1916 году в городе Петропавловске Камчатской области действовала одна больница для инородцев. В этом же году на Чукотке медицинские услуги аборигенам оказывали лишь три фельдшерских пункта – в селе Марково, в городе Ново-Мариинске и в бухте Пlover [2, с. 162]. На остальной территории края медицинская помощь коренным жителям оказывалась на базе амбулаторно-разъездных пунктов.

Такая помощь в большей степени носила фиктивный характер, так как обширность территории расселения дальневосточных аборигенов, отсутствие налаженной системы транспортного сообщения не позволяли фельдшерам посещать национальные селения чаще, чем раз в год.

Компенсировать нехватку должной врачебной помощи коренным жителям Дальнего Востока помогали благотворительные организации края. Так, при поддержке Главного управления Российского общества Красного Креста в целях оказания лечебной и лекарственной помощи населению Камчатской области были созданы особые врачебные отряды. В 1873, 1908 и 1912 годах ими проводились мероприятия по борьбе с проказой, цингой, сифилисом [7, с. 164].

Организовать медицинскую помощь аборигенному населению на должном уровне мешали, ко всему прочему, культурная отсталость инородцев, антисанитарные условия проживания, экономическая необеспеченность, кочевой образ жизни, шаманизм. Последний фактор так и не удалось полностью искоренить вплоть до установления советской власти.

Отсутствие традиционной врачебной помощи приводило к высокой смертности, особенно среди детей аборигенов. Так, например, в 1909 году от кори умерло 15% от всей численности детей острова Беринг, 25% – острова Медный [Там же, с. 159].

Особенной проблемой являлась алкоголизация автохтонного населения. До прихода русских на восточную окраину страны местные народы не имели стойкой традиции потребления алкоголя. Итогом межкультурного взаимодействия стала массовая зависимость аборигенов от спирта. При этом пьянство получило распространение не только среди мужчин, но и среди женщин и детей. Они охотно обменивали оленину, пушнину, рыбу на русский спирт. Предприимчивые новоселы специально посещали стойбища с целью перепродажи аборигенам приобретенных за копейки китайского ханьшина, корейской сули, японской sake [3, с. 4].

Следует отметить, что алкоголизация аборигенов как социальная проблема, требующая государственного участия, была озвучена только в 1909 году при рассмотрении законопроекта Правительствующего Сената . Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина [7, с. 168]. Результатом принятия закона стали преобразования в административно-территориальном устройстве края. В состав Примурского генерал-губернаторства помимо Амурской, Приморской областей вошли Сахалинская и Камчатская области. Последняя была образована в результате объединения Петропавловского, Анадырского, Охотского, Гижигинского уездов и Командорских островов. Кроме того, был образован Чукотский уезд.

Такой вариант административно-территориального деления учитывал стратегические интересы России, способствовал социально-экономическому развитию востока страны, предполагал проведение мероприятий по сохранению численности коренного населения региона.

Приостановить процесс спаивания коренных жителей Дальнего Востока был призван и Закон 1914 года . О воспрещении продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени [Там же]. Однако реализовать его в полной мере мешала принявшая огромные размеры контрабанда на востоке страны. В Амурскую и Приморскую области контрабандный спирт ввозился из Северной Маньчжурии.

Соглашение между Россией и Китаем о запрете производства, продажи и ввоза спирта в приграничной зоне было подписано лишь в 1916 году.

Таким образом, характеризуя меры социальной поддержки государства автохтонного населения Дальнего Востока России на рубеже XIX-XX вв., необходимо отметить, что они не носили постоянного характера. Не лучшим образом была организована врачебная помощь аборигенам. Вплоть до установления советской власти не был решен вопрос о создании в регионе учреждений общественного призрения для инородцев. Единственной проблемой, привлекавшей внимание российских властей и получившей реальный отклик, стала проблема алкоголизации аборигенов.

Список литературы

1. **Алексеев А. И., Морозов Б. Н.** Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1989. 224 с.
2. **Вдовин И. С.** Очерки истории этнографии чукчей. М. – Л.: Наука, 1965. 404 с.
3. **Врадий В. П.** Опьяняющие напитки китайцев, корейцев, японцев и инородцев Уссурийского края. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1904. 43 с.
4. **Кабузан В. М.** Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640-1917): историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 259 с.
5. **О крестьянских начальниках в губерниях:** Высочайше утвержденное Временное положение Государственного Совета от 2 июня 1898 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1898. Собрание I. Т. XVIII. № 15503.
6. **О проведении переписи среди бродячего инородческого населения Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств:** Высочайше утвержденное положение Государственного Совета от 3 мая 1896 г. // ПСЗРИ. СПб., 1896. Собрание III. Т. XVI. № 12878.
7. **Солярский В. В.** Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1916. Вып. XXVI. 173 с.

SOCIAL SUPPORT OF STATE OF AUTOCHTHONIC POPULATION OF THE FAR EAST OF RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Kuz'mina Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in History
Komsomolsk-on-Amur State Technical University
petrova@mail.ru

The article provides an analysis of the measures of the social support of the state of the autochthonic population of the Far East of Russia in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. The author identifies the basic trends of the activity of the Russian authorities in the sphere of the registration and control of the natives, characterizes medical service for this category of persons, focuses on the basic reasons for the poor organization of this process. Special attention is paid to measures aimed to solve the problem of the alcoholization of the Far East natives.

Key words and phrases: the Far East; autochthonic population; social support; financial assistance; alcoholization of the non-Russians.

УДК 78.072.2

Искусствоведение

В статье рассматривается творчество Карла Черни в жанре фортепианного ансамбля в широком контексте истории клавирной музыки XVIII-XIX веков. Особое внимание уделяется сонатам для фортепиано в четыре руки. Автор анализирует новаторство композитора в фактуре фортепианного дуэта, дает художественно-эстетическую оценку произведений, определяет место сонат в истории жанра фортепианного дуэта. Исследуются вопросы, связанные с интерпретацией рассматриваемых сочинений.

Ключевые слова и фразы: Черни; фортепианный ансамбль; фортепианный дуэт; соната; фортепианная фактура; история фортепианной музыки.

Куликов Александр Евгеньевич

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского
alexkoulikov@mail.ru

ЧЕРНИ КАК НОВАТОР ЖАНРА ФОРТЕПИАННОГО ДУЭТА

Первая половина XIX века была временем подлинного расцвета жанра фортепианных ансамблей: их ноты присутствовали во всяком культурном доме, а совместное музицирование было одной из важнейших форм досуга образованной молодежи. Многие композиторы стремились внести посильный вклад в сокровищницу этого жанра.

Само по себе явление фортепианного ансамбля не было чем-то из ряда вон выходящим и в эпоху барокко: достаточно вспомнить разнообразные музыкальные игры и упражнения, практиковавшиеся в семье Бахов. Тем не менее, клавирный дуэт все же не воспринимался как всецело самостоятельный отдельный жанр.

Ко второй половине XVIII века вместе с прогрессом, достигнутым в конструкции инструментов и расширившим диапазон клавиатуры, новую жизнь обретает и фортепианная ансамблевая музыка.

Однако развитие данного жанра было сопряжено со значительными трудностями. Связано это с чисто техническими особенностями ансамблевого исполнения, точнее говоря, с нахождением баланса между верхним и нижним регистрами клавиатуры. Дело в том, что исполнители и первой, и второй партий не занимают за роялем идеальную позицию: первый сидит слишком высоко, а второй – слишком низко. В типичном гомофонно-гармоническом классическом произведении мелодия чаще исполняется правой рукой, над аккомпанементом. В применении к четырем рукам фортепианного дуэта это означает её перемещение в область второй-третьей октав (или ещё выше), а аккомпанемента, соответственно, – в область глубоких басов. Вследствие определенной тембровой неровности противоположных регистров фортепиано (характерной в различной степени как для молоточкового клавира начала XIX века, так и для современных инструментов), это может привести к неприятным с акустической точки зрения сочетаниям.

Другим важным аспектом проблемы было то, что многие музыканты воспринимали фортепианный ансамбль как своего рода заменитель оркестра. В условиях отсутствия технологии звукозаписи невозможно переоценить роль фортепианных дуэтов в деле пропаганды новых симфонических сочинений. Такой подход имел своим следствием распространение устойчивого взгляда на данный жанр как на нечто неполноценное в сравнении с симфонической или сольной фортепианной музыкой. Кроме того, попытки буквально изобразить оркестр зачастую приводили к чисто пианистическим неудобствам в фактуре, крайне неприятным даже для профессионалов, не говоря уже о недостаточно подготовленных любителях, которые и составляли в то время основную целевую аудиторию данных сочинений.